

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова М.И. Функциональная семантика имен существительных, обозначающих наименования посуды, в произведениях Б.П. Екимова.....	6
Алексеева Д.А. Невербальные средства убеждения как составляющая часть политического имиджа.....	10
Бердникова Т.В. Динамика развития значения слова <i>разум</i> в словарях различного типа.....	16
Валентей А.В. Особенности отражения в тексте словаря отношения к представителям инокультурной среды.....	21
Виноградов Д.В. Опыт тематической классификации лексики русского бурлачества.....	29
Гайдамашко Р.В. Опыт создания комплексной словарной статьи в рамках исследования «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья».....	34
Ганичева С.А. Структурно-семантические особенности зоофонов в лингвогеографическом аспекте.....	43
Демидова Т.Д. Преломление общенародного языка в индивидуальном лексиконе курского писателя-миниатюриста В.П. Детков.....	50
Дудко Е.С. Аспекты словарного комментирования хронологически отмеченной лексики из произведений детской литературы XX века.....	59
Епифанова К.В. Описание диалектной лексики: опыт «Владимирского областного словаря».....	66
Задумина П.Н. Образ времени трудовой деятельности в диалектной языковой картине мира (на материале глагольной лексики Словаря вологодских говоров).....	72
Ильина О.С. Высшие учебные заведения в зеркале словарей.....	76
Кичикова Н.А. К проблеме структуры словарной статьи в топонимических словарях (перспективы составления Топонимического словаря Республики Калмыкии).....	86

Климова Е.В. Наименования дождей в вологодских говорах.....	90
Ключевская А.Ю. Концептуальное поле «Агрессия» в лексикографическом представлении.....	95
Котяева Н.С. О функционировании иноязычной лексики в русской комедии второй половины XVIII века.....	104
Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Поисковая система «Диалектного словаря строения слов».....	110
Лесников С.В., Лесникова Г.С., Лесников Д.С. Проект гипертекстового словаря лингвистических терминов.....	116
Ли Чэнь Просторечные глаголы в тексте и в словаре (на материале водевилей сер. XIX в.).....	145
Малахов А.С., Матсапаева Е.М. Современное состояние диалектной лексикографии Владимирской области.....	153
Марина А.С. Грамматическая категория предикатив и способы ее представления в толковых словарях.....	160
Назарова А.Д. Колористическая лексика в «Словаре лексики орловского кружевоплетения».....	166
Неганова Г.Д. Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А.Н. Островского.....	174
Нечаева Л.С. Лексикографическое представление гриба волнушка розовая в северных русских говорах.....	180
Поваляева Т.Э. Лексикографическая интерпретация инвективных зоометафор в словарях разных типов.....	189
Подскребко М.В. Синонимия в русском языке XIX века: <i>дикий – мрачный – темный</i> (на материале романтической прозы).....	197
Поляков А.С. К проблеме лексикографического описания ненормативной этнонимии.....	205
Рогожникова Е.А. Отражение «магической» семантики глагола <i>чертить</i> и его дериватов в диалектных словарях.....	213
Румянцева Н.А. Античный мир в «Русском ассоциативном словаре».....	221

Самойлова С.В. Отражение современных экономических реалий в текстах словарей: лексический аспект.....	225
Севостьянова Е.Е. Концептуальное поле «История» в словарном воплощении.....	230
Скрябина Н.В. Эволюция взглядов на хирургию до и после Н.И. Пирогова сквозь призму терминов <i>хирург</i> , <i>оператор</i> и <i>медико-хирург</i>	239
Смутницкая Ю.В. Словообразовательная семантика отрицания в оценке личности (по «материалам для словаря древнерусского языка по письменным источникам» И.И. Срезневского).....	250
Соломина Д.С. Трудовые ситуации в русской традиционной картине мира: семантико-словообразовательный словарь..	257
Швайко В.И. Памятники письменности Беломорья XIX-нач. XX вв. как лексикографический источник.....	266
Шовгенин А.Н. Социолингвистическое пространство как фактор формирования словаря диаспоры.....	277

М.И. Абрамова (Волгоград)

**Функциональная семантика имен существительных,
обозначающих наименования посуды,
в произведениях Б.П. Екимова¹**

В исследованиях современных ученых отмечается интерес к изучению бытовой лексики [Анохина 1998; Рудыкина, Чёмова 2009], так как именно она дает представление о материальной и духовной культуре предшествующих поколений, помогает понять, как формировался менталитет народа в процессе культурно-исторического развития.

Особое внимание лингвистами уделяется тематической группе «Посуда» [Анохина 1998; Сердюкова 2003]. Данные языковые единицы интересуют также диалектологов в рамках Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (том «Материальная культура», раздел «Домашняя утварь», подраздел «Посуда») [Программа 1994: 257-262].

Имена существительные, обозначающие наименования посуды, рассматриваются учеными в рамках раздела «Человек», подраздела «Домашнее хозяйство» [ТСРЯ, 2000]. Они анализируются как слова, обозначающие предметы для сервировки стола, изделия для приготовления пищи, сосуды для хранения пищи; классифицируются как разная столовая посуда, сервировка; кухонная посуда; старинная, деревенская, а также вообще принадлежащая старому быту посуда; специальная посуда [Русский семантический словарь 2000, 2: 93-98].

Источником для нашего исследования послужили рассказы нашего земляка, жителя Калачевского района Волгоградской области, Бориса Петровича Екимова из сборника «Белая дорога». В его произведениях описывается стихия обыденности в жизни донских казаков. В 2008 году писателю была присуждена одна из

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.), Госконтракт № 02.740.11.0367.

престижных наград России – премия А.И. Солженицына «за остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за быющий в прозе писателя источник живого народного языка» [<http://www.rp-net.ru/book/premia>].

Как показал анализ материала, в сборнике «Белая дорога» зафиксировано 149 случаев употребления существительных, обозначающих предметы посуды. Исследуемая тематическая группа представляет собой систему, в рамках которой выделяются различные группы.

Наиболее широко в избранных текстах представлена группа «кухонная посуда», в которой отмечаются имена существительные **банка, бутылка, жаровня, казан, противень, сковородка** и др. Как правило, это литературные слова с нейтральной стилистической окраской, которые употребляются в прямом значении. Например, в рассказе «Поздний завтрак», в котором описывается хуторской быт и обсуждение героями соседей – переселенцев из Чечни, встречаем: *В сарае всё и обнаружилось: мотки провода, жаровни уже молотком побитые, сплющенные кастрюли* [Екимов 2004: 21]. В приведенном предложении имя существительное **жаровня** имеет толкование `сосуд для горячего древесного угля, а также железная печка, нагреваемая углем` [СОШ 1997: 162].

В группе «столовая посуда» зафиксированы такие существительные, как **блюдец, кружка, ложка, миска, нож** и др. В этой группе в основном также представлены литературные слова с нейтральной стилистической окраской, употребленные в прямом значении для описания повседневного быта и казачьего застолья. Здесь мы можем наблюдать интересную деталь, подчеркивающую простоту деревенского быта – всего лишь один раз употребленное слово **тарелка**, имеющее нейтральную окраску. Его мы встречаем в рассказе «Мальчик на велосипеде», в котором повествуется о возвращении в родную деревню главного героя Хурдина: *А рядом в тарелку сыпнула мать горку снежной, крупчатой, в лопинах развара картошки, пар и жар её притушив укропной невесомой зеленью* [Екимов 2004: 282]. Такой столовой посудой казаки пользовались редко, чаще ели из **миски**, или же прямо из **сковородки**. Такие примеры мы можем наблю-

дать в рассказе «Поздний завтрак»: *Постановь Савушке миску щей да чекушку, он тебе весь белый свет заплетёт* [Екимов 2004: 17]. *На столе в сковородке шкварчит какое–нибудь жаркое: рыба, картошка, мясо; парит в кастрюле молочная каша, лучше пиённая, с запёкшейся желтой корочкой* [Екимов 2004: 15]. В приведенных примерах рассматриваемые нами существительные используются в прямом значении. Лексема **тарелка** толкуется как «посуда круглой формы с приподнятыми краями и широким плоским дном» [СОШ 1997: 730], слово **миска** употребляется в значении «посуда для еды в виде широкой чашки» [СОШ 1997: 313], имя существительное **сковородка** используется с семантикой «мелкая, с загнутыми краями металлическая посуда для жаренья» [СРЯ 1999, 3: 23].

Кроме того, в рассказах встречаются и существительные, употребляемые в переносном значении. Так, например, интересен рассказ «Тюрин», который повествует нам о герое, чью семью раскулачили и отправили по этапу. Главный герой Тюрин, отбывая уже второй срок, не теряет своих человеческих качеств и часто заступает за бригаду, не боясь третьего срока. Автор так описывает его поведение: *Выпив стопку, Тюрин разглаживает усы, а потом истово хлебает горячие щи* [Екимов 2004: 46]. Как видно из приведенного контекста, писатель использует такое средство художественной выразительности, как метонимия. Как известно, в прямом значении имя существительное **стопка** обозначает «маленький стаканчик» [СОШ 1997: 712].

В прозе Б.П. Екимова зафиксированы также имена существительные, обозначающие старинную, деревенскую, а также вообще принадлежащую старому быту посуду: **поллитровка, ухват, цибарка, чекушка, черпак, чугу́н**. Например, в рассказе «Холушино подворье», повествующем о нелегкой жизни одного старика Варфоломея Вихлянцева, отмечено имя существительное **ухват** в значении «надетая на палку металлическая рогатка для подхватывания горшков, чугунов» [СОШ 1997: 781]: *Но ничего там не было, кроме старых ухватов* [Екимов 2004: 244].

Интересная особенность рассказов Б.П. Екимова – параллельное использование существительных с одинаковым значени-

ем, но с разной стилистической окраской. Это мы можем увидеть в рассказе «Холюшино подворье»: *Пустая цибарка со звоном катилась до самых ворот* [Екимов 2004: 260]; *Взяв ведра и коромысло, отправился Холюша за водой, скотину поить* [Екимов 2004: 226]. Существительное **ведро** имеет нейтральную стилистическую окраску, а **цибарка** относится к устаревшей лексике.

В представленных примерах имя существительное **ведро** имеет значение `сосуд цилиндрической формы с ручкой в виде дужки для ношения жидкостей, сыпучего` [СОШ 1997: 58], а **цибарка** – это `ведро, слегка расширявшееся кверху (на Дону, Кубани, юге России)` [СОШ 1997: 810]. Данное существительное является устаревшим по классификации Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 2000, 2: 96].

Кроме того, в рассказах писателя зафиксированы имена существительные, представляющие специальную лексику: **бак, канистра, короб, подойник, фляга, цистерна**. Например, в рассказе «День до вечера» автор повествует, как ходил на рыбалку: *На деревянных санках стояли алюминиевые фляги, обычно в них молоко держат, они и называются доильными* [Екимов 2004: 131]. В данном примере имя существительное **фляга** толкуется как `большой сосуд для перевозки жидкостей` [СОШ 1997: 791].

Классификация и анализ материала позволили выявить многозначность лексики, обозначающей наименования посуды в рассказах Б.П. Екимова. Тематическая группа «Посуда» обладает системностью, она может быть классифицирована по лингвистическим признакам, что подразумевает деление на общерусскую, устарелую и специальную лексику. Такая разноплановость употребления лексики со значением «посуда» в текстах Б.П. Екимова может быть объяснена тем, что автор хотел рассказать о материальной культуре казаков, показать их быт, а также раскрыть характеры героев, о которых ведется повествование.

Литература

Анохина Л.И. Лексика питания: названия печёных кушаний из муки в орловских говорах (структурно-семантический аспект): Автореф. дис...канд. филол. наук. Орел, 1998.

Екимов Б.П. Белая дорога. Рассказы / Б.П. Екимов. Волго-

град: ГУ «Издатель», 2004.

Программа собирания сведений для диалектологического атласа русских народных говоров. СПб., 1994.

Рудыкина, Е.С., Чёмова В.М. Лексика питания в донских говорах: названия молочных блюд казачьей кухни // *Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство* / Под общ. ред. проф. Н.А. Тупиковой. Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 119-139.

Русский семантический словарь: в 4 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000.

Сердюкова О.К. Введение // *Большой толковый словарь донского казачества* / Под ред. Дегтярева. М.: Русские слова, 2003. С. 1-8.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

ТСРЯ – *Саяхова, Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 2000.

<http://www.rp-net.ru/book/premia>

Д.А. Алексеева (Вологда)

Невербальные средства убеждения как составляющая часть политического имиджа

Изучение имиджа политика – одна из наиболее актуальных проблем современной имиджелогии. Особенно интересным представляется рассмотрение личности политика как человека, действия которого оказывают значительное влияние на общество. В данной статье мы рассматриваем невербальные средства убеждения как одну из составных частей имиджа второго президента Российской Федерации В.В. Путина (на материале пресс-

конференции В.В. Путина по итогам его работы в качестве президента России).

Политический имидж – это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа образ политического лидера [Абаполова 2008]. Разработкой теории имиджа политического лидера занимались многие исследователи: Г.Г. Почепцов, А.И. Соловьев, В.В. Хазагеров, А. Пиз, Е.В. Егорова-Гантман, Р. Абельсон и др. Они отмечают, что политический имидж должен быть простым, образным, понятным, соответствующим сложившимся у большинства населения представлениям о лидере. Имидж главы государства – это один из механизмов воздействия на народ, возможность психологического воздействия на граждан страны. Составляющие имиджа политического лидера – это совокупность вербальных и невербальных средств, проецируемых в публичном выступлении. Имидж-эффект встреч политического деятеля с представителями СМИ имеет существенное психологическое значение для формирования массового сознания людей.

Умение убеждать слушателя – залог успеха политического лидера. Одним из эффективных средств убеждения и воздействия на слушателя являются невербальные сигналы: жесты, мимика, телодвижения, позы. Жесты и мимика могут дополнять и заменять речь и сопутствовать ей, отражать эмоциональное состояние человека, усиливая эффект от сказанного. На них следует обращать особое внимание при анализе публичного выступления главы государства. При этом нельзя упускать из виду тот факт, что человек, занимающий высокое положение, при общении больше полагается на богатство своего словарного запаса, а не на жесты. Исследователи теории жестов вывели закономерность: чем выше социальное положение человека, тем менее развита у него жестикуляция, телодвижения ограничены, движения сдержанны [Вилсон, Макклафлин 2001].

Рассмотрим часто употребляемые в ходе пресс-конференции жесты В.В. Путина. Мы используем классификацию жестов, в основу которой положены признаки, характеризующие их назначение. Таким образом, мы выделили три основные группы: жесты, помогающие описать явление или предмет; же-

сты, отражающие психологические особенности говорящего; жесты, передающие отношение говорящего к предмету речи.

К первой группе жестов относится, к примеру, потирание большого пальца о кончики других пальцев, применяется данный жест для обозначения денег. В своем выступлении В.В. Путин дважды прибегал к указанному жесту, например, при словах: *«Дайте нам адекватные активы у себя, деньги не нужны: эти бумажки уже в современной экономике никому не нужны – нам нужны активы»*. Кроме того, В.В. Путин для большего зрительного воздействия на аудиторию часто жестами проецировал перед собой тот или иной предмет, изображал какой-либо процесс. К примеру, жест, обозначающий процесс «обтачивания зубов»: *«... “Эксон мобил” вгрызается в нашу экономику – и ничего, там «стоматологи» есть, которые **только точат им эти зубки**»*; жест, изображающий «тело» Европы: *«Чего так американцы беспокоятся за европейское тело, я не знаю. Может быть, потому, что сами не хотят от него отрываться, нравится, **тело хорошее**»*. В.В. Путин, помогая представить описываемое действие, абстрактно рукой «прописывает текст» на столе при фразе: *«Но мы будем выполнять все, под чем мы сами **подписались**»*.

К следующей группе жестов относится, к примеру, шпилеобразное положение рук. Этим жестом часто пользуются уверенные в себе люди, лица, занимающие руководящие должности. Жест со шпилеобразным положением рук применялся при ответе на вопрос о дальнейших действиях В.В. Путина (после избрания нового президента): *«Я считаю, что я **получил уже один подарок, даже два подарка** от российского народа, от Господа может быть, когда имел честь и удовольствие работать в качестве главы Российского государства. Основной закон страны сформулирован таким образом, что этот срок является **конечным**»*.

Следующий характерный жест В.В. Путина, отражающий его психологические особенности – это сцепленные пальцы рук. Исследования, проведенные учеными по изучению жеста сплетенных пальцев рук, позволили заключить, что этот жест обозначает разочарование и желание человека скрыть свое душевное

состояние. Во время выступления можно заметить, что руки второго президента часто находятся в сплетенном состоянии и положены перед собой на столе. Чаще всего данный жест возникал при ответах на вопросы личного характера.

Часто политики при публичных выступлениях нервничают и волнуются. Замаскированные жесты рук также относятся к жестам, несущим информацию о психологических особенностях говорящего. Подобные жесты являются очень утонченными, практически незаметными. Чтобы окружающие не заметили волнение, политики часто используют различные предметы, с которыми выполняют автоматические неосознанные манипуляции, такие предметы называются «манипуляторами». В.В. Путин на пресс-конференции прибегает к использованию подобных манипуляторов: ручке, листам бумаги, наушнику, микрофону, часам.

Обратимся к третьей группе жестов. При общении с журналистами В.В. Путин часто жестикулировал указательным пальцем. Данный жест применялся для указания на собеседника (перстоподобный жест, когда пальцы сжаты в кулак, указательный палец выпрямлен); для привлечения внимания (указывает пальцем наверх); для указания на запрет (палец направлен наверх и качается вправо и влево); для выражения угрозы (палец указывает вперед и двигается вверх и вниз). Рассмотрим один из случаев использования указующего жеста на конкретном примере. Во время ответа на вопрос об отказе наблюдателей и парламентской Ассамблеи ОБСЕ приехать на выборы президента: *«...Россия под этими бумажками не подписывалась. Это все делается в явочном порядке. И вот это для нас является принципиальным вопросом. Мы никому не позволим навязывать нам какие бы то ни было условия»*. Во время ответа В.В. Путин несколько раз использовал жест «указующего перста» ладони правой руки, являющийся признаком агрессивности. Также у президента интуитивно сжимались кулаки, что свидетельствует о твердости. Данный жест расшифровывается как сила, принуждение к действию. Президент при помощи данного жеста расставлял акценты, указывал на наиболее важные моменты его речи. В своем выступлении В.В. Путин довольно часто использовал данный жест, демонстрируя свою силу и уверенность, что несомненно воздействова-

ло на слушателя и влияло на эффект восприятия речи. Но чаще всего В.В. Путин пользовался жестом «указующий перст» для эффективного убеждения аудитории в правильности своей позиции, влияния на мнение слушателя.

Следует рассмотреть значение жестов, связанных с прикосновениями к различным частям лица. Чаще всего жест «рука к лицу» предполагает обман или умалчивание информации. Отвечая на вопросы В.В. Путин, иногда использовал этот жест: он потирал ухо, щеку, прикасался к носу, веку глаза, губам. Самый яркий такой жест сопровождался фразой: *«Что же нас-то так боятся? Что они (американцы) такие, как бы не сказать лишнего слова, трусливые, я не знаю?»*

Рассмотрим один из случаев использования манипулятора для маскировки волнения. Например, при характеристике главного кандидата на пост президента В.В. Путин заявил: *«знаю Дмитрия Анатольевича очень давно и просто уверен, ...что он будет успешно работать и на самой высокой должности в стране... Уверен, что это будет хороший Президент, достойный Президент и эффективный руководитель. И, кроме всего прочего, я ему доверяю, просто я ему доверяю. Как я говорил на съезде «Единой России», такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной»*. При произнесении этих слов президент поправляет часы на руке. Тем самым, образуется своеобразный барьер и утверждается состояние безопасности и стабильности.

К одному из жестов убеждения мы также отнесли кивки головой (знак утверждения), являющиеся жестом доверия и согласия со своим слушателем. Активные кивки головой визуально помогают второму президенту более уверенно и убедительно отвечать на вопросы журналистов.

Говоря о позах, следует подчеркнуть, что на пресс-конференции В.В. Путин стремился показать себя максимально открытым и честным человеком, поэтому он старался находиться в открытой позе: корпус он легко наклонял к аудитории, долгое время мог поддерживать прямой зрительный контакт с журналистами. Несмотря на это, как уже отмечалось, он нередко создавал сплетенными пальцами рук барьер между собственным про-

странством и аудиторией, иногда наблюдалась напряженность мышц, что создавало впечатление закрытой позы.

Можно проанализировать неполное соответствие вербального и невербального компонентов и примере, когда В.В. Путин говорил об отношениях с Украиной. Второй президент сообщил: *«...думаю, что если такой конструктив будет при решении других проблем, то развитие между Украиной и Российской Федерацией будет идти только по восходящей»*, поза президента была несколько наклонена вперед, что означает напряжение. Следует отметить, что при озвучивании последних слов, касательно перспектив развития двух стран, В.В. Путин принял позу, которая характерна для человека, приготовившегося к защите: одну руку он положил на стол полностью, а вторую поставил на ладонь. Данное напряженное положение корпуса и рук выдало его волнение по данному вопросу, внутреннюю обеспокоенность.

Интересны наблюдения за мимикой президента: они также могут дать информацию о специфике его политического имиджа. Экспрессия лица, мимика, взгляд несут информацию о состоянии человека, демонстрируют отношение к другому человеку, снабжают обратной связью, комментируют речевое поведение [Основы теории 2005].

К мимике мы отнесли все изменения, которые можно наблюдать на лице В.В. Путина во время конференции. В ходе пресс-конференции В.В. Путин при помощи взглядов, изменений в мимике показывал свое отношение к сказанному. Например, направленный исподлобья взгляд говорит о неодобрении, раздражении и даже гневе. Данный невербальный сигнал сопровождал, к примеру, следующие слова: *«Те обязательства, которые взяла на себя Россия в рамках европейских структур, в том числе ОБСЕ, мы полностью исполняем. И хочу это подчеркнуть, чтобы это знали и представители нашей прессы, и представители европейской прессы»*. Взгляд вниз (на стол) отображает неуверенность в своих ответах. Подобное мимическое выражение говорит либо о необходимости сосредоточения внимания (для выбора нужной фразы), либо о намерении скрыть или исказить часть информации. Средством убеждения является прямой контакт глаз оратора и слушающих. В.В. Путин на протяжении всей

конференции старался поддерживать зрительный контакт с аудиторией, лишь изредка поднимал глаза вверх (или опускал вниз), что делалось, скорее всего, для выбора более удачной формулировки ответа.

Таким образом, можно сделать вывод, что В.В. Путин – человек достаточно скрытный. Он грамотно пользуется невербальными средствами убеждения, знает, когда следует улыбнуться, а когда приподнять брови для выражения удивления или недоумения. Премьер контролирует эмоции, любит намекать сам и умеет отслеживать реакцию своего слушателя, учитывая невербальные сигналы окружающих, сопоставляя их с вербальными средствами общения. Во время общения с журналистами В.В. Путин постоянно наблюдает за невербальными реакциями слушателей, бросая продолжительные взгляды в зал. Своим поведением и жестами он старается внушить жителям России доверие и уверенность в завтрашнем дне, показывая себя сильной, стойкой и выносливой личностью, харизматичной и авторитетной.

Литература

Абаполова С.С. Стратегия самопрезентации в предвыборном дискурсе // Материалы Международной Интернет-конференции. Волгоград, 2008.

Вилсон Г., Макклафлин К. Язык жестов. Путь к успеху. СПб., 2001.

Основы теории коммуникации: учебник / Под ред. проф. М. А. Василюка. М., 2005.

Т.В. Бердникова (Саратов)

Динамика развития значения слова *разум* в словарях различного типа

Лексика – одна из самых подвижных языковых систем. Такая подвижность объясняется тем, что лексемы более других элементов способны быстро входить в лексическую систему и выходить из нее, а также подвержены изменению значений. В

разных языковых ситуациях и контекстах слово может развивать значения, не свойственные ему в узусе. Наглядным примером может служить функционирование слова в художественном тексте, где актуализируются «обертоны смысла», «эстетические значения» (Б.А. Ларин), стилистические значения (Т.Г. Винокур). Значения слова, которые имеют традицию употребления в узусе, фиксируются в словарях.

На сегодняшний момент в отечественной лексикографии разработаны принципы организации словарной статьи, методика отбора материала, составление иллюстраций. Однако далеко не все принципы универсальны и применимы ко всем словарям.

В языке есть ряд слов, которые обозначают явления и понятия абстрактного характера, связанные с ментальными действиями. В «Русском семантическом словаре» отмечено, что в абстрактном имени «понятийное начало не только превалирует, но и полностью вытесняет представление о реальном предмете. <...> Значимая сторона абстрактного имени как языкового знака формируется как результат обобщающей и синтезирующей работы мысли. Абстрактные существительные заключают в своих значениях результат духовного и интеллектуального опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение явлений окружающего мира и человеческого духа – состояний, свойств, качеств, на постижение сущности бытия, осмысление его закономерностей, недоступных непосредственному восприятию» [Русский семантический словарь 2003].

Одним из таких слов является слово *разум*. Мы обратимся к дефинициям и особенностям употребления слова *разум* для того, чтобы проследить динамику развития значения и специфику функционирования слова в узусе.

Понятие разума с древнейших времен считалось одним из основополагающих личности человека. Еще в Священном Писании разум воспринимался как способность к мышлению, к осознанному восприятию действительности, что впоследствии постепенно укреплялось. Так, в словарях современного русского языка слово *разум* толкуется следующим образом:

Разум – 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить, осмыслять окружа-

ющую действительность. 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности отдельного человека [БАС: 12].

В БАС лексема разум в своем значении имеет элемент 'логичность'. 'Логичность' как составляющий элемент высшей степени мышления – разума – пересекается с понятием ум, и значение слова *разум* близко к значению слова *ум*. Некоторые словари (например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова [далее – Словарь С.И. Ожегова]), толкуют *разум* в соотнесении со значением слова *ум*:

Разум – 1. Ум во 2 знач., умственное развитие. 2. Способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания, ум в 1 знач., интеллект в противоположность чувству. (Ср. ум – 1. Такая способность, развития в высокой степени, высокое развитие интеллекта. 2. Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни [Ожегов 2008: 784]). По сравнению с БАС в Словаре под редакцией С.И. Ожегова в дефиницию слова *разум*, помимо семы 'логичность', добавляется сема 'творчество', поскольку второе значение предполагает именно творческое мышление.

В Словаре С.И. Ожегова отражается общеязыковое и философское противопоставление *разум* – *чувство*. Эта антитеза актуализируется с развитием науки, и предпочтение отдается именно разуму, а не чувству, которое является научно не обоснованным и весьма субъективным.

Так определяют слово *разум* словари современного русского языка.

В словарях, создание которых относится к XIX веку, слово *разум* имеет элемент значения 'дух'. Так, в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *разум* толкуется как «духовная сила»: **разум** – *духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), сулить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей, от причины, следствий ее и до цели, конца, особенно в приложении к делу. Разум, смысл. Дух человека двуполовинчат: ум и воля; ум самое общее, а в частном значении самое высокое свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям; разум, которому можно*

подчинить: понимание, память, соображение, рассудок, разумность, суждение, заключение и пр., ближе подходит к смыслу, рассудку, применяясь к обиходному и насущному. Малый да юридический не в разуме, сами не понимают, что делают [Даль: электронный ресурс].

Смысловые элементы 'дух' и 'творчество' имеют общую нематериальную природу: сила духа как составляющая личности является причиной процесса творчества. Не случайно с «Русском семантическом словаре» слово *разум* включается в группу «Духовный мир» и в подкласс «Сознание. Разум. Знание. Понимание. Мысль. Образ мыслей» и обозначает понятие, связанное с ментальной деятельностью и способностями человеческого интеллекта.

Изменение значений и развитие «смысловых приращений» у слова активно реализуется в писательской, или авторской лексикографии, которая, по мнению Л.Л. Шестаковой, «развивается в согласии с актуальными направлениями изучения языка. <...> Поэтому новаторские тенденции в организации словарной статьи можно связать, в частности, с попытками воссоздания словарными средствами языковой личности автора, его художественного мира, лежащих в основе этого мира идей и представлений» [Шестакова 2007: 11]. Такие словари, проект которых заложил Б.А. Ларин, называются идеологическими. Идеологический словарь «должен представлять собой серии монографических исследований по семантическим группам слов или отдельным концептуально значимым словам» [Борисова 2009: 3] как отражение мировидения писателя.

Обратимся к «Словарю драматургии М. Горького», который создается Саратовским государственным университетом имени Н.Г. Чернышевского при участии межкафедрального словарного кабинета Санкт-Петербургского государственного университета. На сегодняшний момент в свет вышли два тома и близок к завершению третий. В художественном мире М. Горького слово *разум* имеет концептуальное значение. Разум противопоставляется чувству как понятие, обладающее отрицательной авторской оценкой. Кроме того, чувство выступает как контекстуальный синоним слова дух.

В «Словаре драматургии М. Горького» противопоставлены слова *разум* и *дух*, причем с положительной коннотацией используется слово *дух*, а *разум* – с отрицательной.

Разум – 1. Познавательная деятельность человека, способность логически мыслить. Семиков. – Я вот записал: «Созерцание – это знание без образов, и всегда оно выше **разума**» (С. 61). Павлин. – В тайнах живем, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от **разума** нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, **разумом** только затемняется и даже – угашается (Б. 85 2). 2. Ум, интеллект. Булычов. Они после трубача, решили, что я с ума сошел! – Нет, у меня **разум** в порядке! (Б. 121). Павлин. – **разумом** наделены мы от Бога не для упражнении в бесплодном высокоумии... (Д. 183). > Божий **разум**. Воля Божья. Пропотей. – Люди смятежные, – Выслушайте слово, От чистого сердца, от божьего **разума** сошедшее к вам... (Д. 157).

Таким образом, в семантике слова *разум* содержатся такие элементы, как ‘логичность’, ‘творчество’, ‘дух’, отражающие ментальную деятельность человека и восприятие окружающей действительности.

Литература

Борисова М.Б. Слово – время – писатель (на материале пьесы М. Горького «Мещане») // Словоупотребление и стиль писателя: Межвуз. сб. / Под ред. Д.М. Поцепни. В. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 3-18.

Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Издательства ЛКИ, 2009.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // www.slovari.ru/

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974.

Шестакова Л.Л. Структура и содержание словарной статьи в словарях языка писателя // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2007. Т. 66. № 5. С. 3-15.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2008.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3.

Словарь драматургии М. Горького (Рукопись): В 3 т. Саратов, 2010. Т. 3.

А.В. Валентей (Волгоград)

Особенности отражения в тексте словаря отношения к представителям инокультурной среды¹

Язык всегда оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Еще Пифагор советовал «для познания нравов какого ни есть народа» прежде всего изучить его язык. Столь же неоспорима связь языка с культурой, орудием которой он является. Именно язык несет в себе источник всего сущего («В начале было слово»), в том числе и самого человека.

Современная социокультурная ситуация в мире характеризуется расширением взаимосвязи все большего количества стран и народов: в наше время практически невозможно найти этнические общности, не испытывающих воздействие извне [Гареева 2008: 165].

Электронные средства связи, средства массовой информации в условиях, называемых глобализацией, сделали возможным обмен культурными образцами в широчайших масштабах и с огромной скоростью. Однако, открывая огромные возможности для взаимовлияния и взаимного обогащения культур, глобализация может способствовать унификации массового сознания. В

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

этом аспекте важно рассматривать и другое явление, тесно связанное с термином «глобализация», – «этническая идентификация». Если первое понятие предполагает приведение к единообразию жизни в различных странах, космополитизм и стандартные «модели жизни» человечества, то проблема этнической идентичности связана со стремлением людей сохранить свою самобытность, укрепить национальное самосознание.

Одним из способов достижения этого является обращение к прошлому, историческим корням, поиск первородной основы в традиционном образе жизни, в традиционных символах, праздниках и ритуалах. При этом проводится четкая разграничительная линия между «своими» и «чужими», теми, кто якобы «ответственен» за все существующие в обществе проблемы.

Действительно, национальные и этнические проблемы являются сегодня одними из наиболее острых и болезненных. Неслучайно во всем мире страны стараются защитить свое этническое, национальное, религиозное и культурное своеобразие. Это явление, получившее название «этнического парадокса», стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации.

Таким образом, здесь, несомненно, просматривается двойственная роль глобализации в развитии событий: с одной стороны, под влиянием общемировых процессов трансформируется и модернизируется общество, выстраиваются новые отношения, формируются другие цели и ценности. Население, особенно молодые люди, живо воспринимает и заимствует новые веяния во всех сферах жизнедеятельности, социализируется наравне с другими. С другой стороны, глобализация, приводящая к интенсификации контактов между представителями разных этносов, стала сопровождаться конфликтами, принимающими достаточно острые формы, что можно объяснить также модернизацией общества.

Бурные изменения, вызываемые трансформацией социальной жизни (урбанизация, современная система образования), сопровождаются более медленными изменениями в сфере регуляторов человеческого поведения, приспособляющих его к внешним условиям, в сфере культуры. Ценности и установки, определяющие поведение в условиях традиционных локальных культур, по-

рождают конфликты с реалиями, вызванными современным социальным развитием.

В некоторых государствах стали нарастать внутренние противоречия – реализация права на национально-территориальное самоопределение породила множество конфликтов. Бедность, безработица, ограниченный доступ к ресурсам, социальная неустроенность, низкий уровень грамотности порождают жесткий ответ, принимающий острые конфликтные формы, – от экстремистских действий до террористических актов в отношении представителей других народов.

К тому же нестабильность обстановки в ряде стран, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, бытовой национализм, дискриминация по национальному признаку, вероисповеданию, языку, политическим убеждениям явились главными стимулирующими факторами массового притока вынужденных мигрантов в другие страны, в частности, Россию.

Особую проблему в миграционных процессах на территории страны составляют взаимоотношения доминирующего этноса региона и этнических меньшинств. Достаточным основанием для трений и недоразумений выступает социокультурная чужеродность меньшинств. Иной облик, стиль жизни, тип поведения, религия, язык и традиции часто воспринимаются как угроза.

Особенно ярко экспликация отношения к представителям иной культурной среды прослеживается в средствах массовой информации: газетах, журналах, а также по радио и телевидению.

Материалом нашего исследования стали газеты Волгоградской области: «Комсомольская правда. Волгоград», «Коммерсантъ», «Родной город», «Волгоградская правда», «Аргументы и факты», из которых методом сплошной выборки были выявлены языковые средства номинации субъекта – представителя инокультурной среды, **словоформы и словосочетания, функционирующие в высказывании, равном предложению**. Данные языковые средства, принятые нами за единицу исследования, мы классифицировали следующим образом:

1) квалификация собственно национальности субъекта – в виде отдельной единицы или словосочетания.

2) квалификация субъекта как представителя чужой культуры – описательный оборот, словосочетания, в том числе и развернутые.

3) образная квалификация субъекта иной культурной среды – заголовки газет как особая организация языковых средств выражения.

В первую группу нашей классификации (собственно национальность) входят такие словоформы как *таджики*, *китайцы* и *грузины* и др.

Следует отметить, что вне контекста это стилистически не маркированные единицы, определяющие принадлежность человека к определенной нации. Словарные статьи БАС, МАС и Большого энциклопедического словаря так определяют лексическое значение этих словоформ: 1) *таджики* – ‘народ, основное население Таджикистана (3172 тыс. человек), в Российской Федерации 38,2 тыс. человек (1992). Живут также в Афганистане и Иране. Общая численность 8,28 млн. человек (1992). Язык таджикский’; 2) *китайцы* – ‘нация, основное население Китая, а также лица, относящиеся к этой нации’; 3) *грузины* – ‘народ, основное население Грузии (3,8 млн. человек). В Российской Федерации 130,7 тыс. человек (1995). Общая численность 4,14 млн. человек. Язык грузинский’.

В процессе употребления языковых средств, входящих в первую группу, в текстах региональных газет нами отмечается расширение словарного значения за счет оценочного компонента, который эксплицируется во второй части сложного слова: *таджик-самоубийца*, *китаец-недоучка*, *грузин-мошенник*. Как свидетельствует фактический материал, в большинстве случаев коннотация – отрицательная: «*Таджики-нелегалы* заполонили Волгоградскую область»; «от дешевых подделок *китайцев-подпольников* страдают русские люди». Помимо языковых средств, непосредственно квалифицирующих субъекта, отрицательная коннотация выражается также контекстуальными уточнителями: «заполонили», «страдают русские». В большинстве случаев отрицательно окрашенные контексты зафиксированы по отношению к представителям Средней и Центральной Азии, Китайской Республики и Кавказа. Что касается положительных оценок,

то предпочтение СМИ отдают Германии: *с качеством работы у немцев все в порядке, немецкая аккуратность*. В Большом толково-фразеологическом словаре М.И. Михельсона в значении слова *немец* дается такое определение: ‘аккуратный, любящий точность, порядок’. Во всех же остальных толковых словарях значение слова будет стилистически нейтральным.

Вторая группа нашей классификации включает в себя различные словосочетания, обозначающие субъекта иной культуры, например: *нелегальная миграция, иностранные граждане, прибывшие из дальнего зарубежья, приехавшие из-за рубежа*. Данный ряд языковых единиц коннотативно нейтрален, в текстах газет подобные конструкции являются устойчивыми и не обусловлены контекстом.

Говоря о наемной рабочей силе, СМИ нередко используют слова *гастарбайтеры, мигранты, иностранцы*. Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина определяет *гастарбайтера* так: ‘рабочий-иммигрант, обычно пользующийся меньшими правами, чем граждане данной страны’, *мигрант* – ‘тот, кто совершает миграцию’, *иностранец* в словаре Т.Ф. Ефремовой определяется как ‘гражданин, подданный какой-л. страны по отношению к другой стране’.

Таким образом, все значения рассмотренных языковых единиц второй группы принятой нами классификации не расходятся по их стилистической окраске со значениями, данными в словарях.

В качестве отдельной группы мы выделили заголовки газетных статей, построенные по определенным стилистическим приемам, например: *Понаехали, понаоставались; Лишние нужные руки; Мигрантов поставят на место; Мигранты атакуют; Дом Ивану построит Ибрагим; Заграница нам поможет; Посторонние силы; Гастарбайтеры поневоле*. В большинстве случаев, как свидетельствуют примеры, в заголовках выражена отрицательная коннотация. Остановимся на некоторых из них.

В названии «*Понаехали, понаоставались*» первый глагол определяется в словарной статье МАС как ‘постепенно наехать в большом количестве’ с пометой «разговорный», а второй является окказионализмом, целью которого становится усиление действия,

и, следовательно, отрицательной коннотации. В основе конструкции «*Лишние нужные руки*» лежит оксюморон – стилистическая фигура, для которой характерно сочетание несовместимых понятий. При этом отдельные слова в пространстве словаря даны без какой-либо стилистической пометы, а в целом образуют словосочетание, смысл которого заключается в переизбытке мигрантов на территории России. Значение фразы «*Мигрантов поставят на место*» определено нами с помощью фразеологического словаря: «*поставить на место*», то есть, ‘одернуть кого-либо, давая понять ему, что он в действительности стоит, представляет собой, как он не должен поступать’. Таким образом, в данном случае также присутствует отрицательная коннотация.

Итак, как мы можем наблюдать, в большинстве случаев отзывы СМИ о представителях иной культурной среды по своей окраске негативны. Это влияет на отношение к ним читателя, формирует определенные взгляды на проблемы эмиграции в Россию.

Для современной прессы нередко характерно искажение лексического значения слова. Это случается при использовании слов другой религии, нации, страны. До конца не разобравшись в их значении, современные журналисты используют их как синонимы для лексических единиц с противоположным значением. Так получилось, например, со словами *шахид*, *моджахед*, *воин Аллаха*.

Все мы знаем, что терроризм сегодня – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение целого поколения. Терроризм как массовое явление – результат деятельности отдельных групп в обществе, которые начинают ставить под сомнение законность и права государства и этим

оправдывают свой переход к террору для достижения собственных целей. Средства массовой информации изобилуют статьями на тему терроризма, в сводках новостей по телевидению ведущие и журналисты рассказывают о новых терактах, новых жертвах. Часто наряду со словосочетанием «террористы-смертники» мы слышим слова *шахид*, *воин Аллаха* или *моджахед*, укрепившиеся в нашем сознании как резко отрицательные, осуждающее тех людей, которых так называют.

Давайте обратимся к текстам словарных статей. «Новый словарь иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой один из немногих современных словарей, дающий определение слову *шахид*: ‘1) у мусульман – погибший за веру, пожертвовавший собой за веру; жертва; 2) террорист-смертник, современный камикадзе’. Стоит заметить, что здесь понятия сразу разграничены по вероисповеданию. Фактически, определение этого слова включает в себя значения-антонимы.

В этом же словаре читаем: ‘моджахеды – буквально борцы за веру’. Если в первом определении понятия «террорист-смертник» и «жертвующий собой за религию» разведены, то во втором такого разграничения уже нет. Обратимся к последнему словосочетанию *воин Аллаха*. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова понятие *воин* дано с пометой «высокое». Само слово определяется как ‘тот, кто несет военную службу, сражается с врагом, воюет; боец, солдат’. То есть, применяя высокий стиль по отношению к террористам, мы тем самым снимаем с них вину за преступление.

Это важно знать при употреблении данных слов, чтобы не допускать смешения понятий, особенно в области межкультурной коммуникации.

Проанализировав тексты словарей и печатные издания г. Волгограда, мы сделали вывод о том, что в системе языковых средств, квалифицирующих субъекта – представителя инокультурной среды, наблюдается расширение словарного значения за счет добавления отрицательной коннотации, в результате в семантике анализируемых единиц эксплицируются незафиксированные в толковых словарях семантические признаки. В качестве перспективы исследования мы планируем расширить круг языковых

единиц, включить в него средства, репрезентирующие действия субъекта – представителя иной культурной среды.

Литература

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Гареева В.Г. Социология, политология, социальная потребность в гармонизации межнациональных коммуникаций в постсоветском пространстве в контексте процессов глобализации // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2.

Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. 1969. № 1. С. 344-347.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948-1965.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

Большой толково-фразеологический словарь М.И. Михельсона // http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний / Под ред. Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой. М.: «Азбуковник», 2003.

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Рус. яз., 2000.

Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (гл. ред.) и Л.С. Шаумяна. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988.

Толковый словарь иноязычных слов / Под ред. Л.П. Крысина. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2000.

Толковый словарь современного русского языка / Под ред. В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. М.: Эксмо, 2008.

Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 5-е изд., стер. СПб.: Вариант, 1994.

Д.В. Виноградов (Санкт-Петербург)

Опыт тематической классификации лексики русского бурлачества

Лексика русского бурлачества, без сомнения, относится к едва ли не самым малоизученным составляющим, складывающимся в единое понятие – русский национальный язык. Многолетнее пренебрежение к «низкой» речевой стихии и неграмотность носителей обусловили крайне ограниченную письменную фиксацию бурлацкой лексики, что, наряду с полным выходом этой лексики из сферы живого употребления, значительно затрудняет не только поиск источников ее фиксации, но и исследовательскую работу, направленную на анализ и, в конечном итоге, на полноценное научное описание лексики русского бурлачества.

Анализ бурлацкой лексики с точки зрения происхождения, выявление ее генетических связей с русскими народными говорами и языками соседних, преимущественно тюркских, народов, отношения лексики бурлачества и общенационального языка – все это вопросы, почти не затронутые наукой, которые требуют специального целенаправленного изучения в дальнейшем. Однако наибольшую трудность представляет собой собственно поиск бурлацкой лексики, ввиду того что она встречается в незначительном количестве малодоступных и малоизвестных источников. См., например [Бурлачество 1851, Бурлаки 1862, Вернадский 1857, Корнилов 1862, Небольсин 1852, Оглоблин 1904] и др. Значительный объем лексики позволит сделать дальнейшие научные обобщения.

Собранная нами на данном этапе работы лексика может быть классифицирована по различным критериям. Однако при рассмотрении и классификации разнородного лексического материала наиболее удобно рассмотрение словарного состава по тематическим группам, так как традиционно в лексикологии важнейшим критерием выделения тематических групп является предметная общность слов, наименование ими идентичного сегмента действительности. Как отмечал Ф.П. Филин, тематические группы «зависят от традиций, навыков и способностей народа классифицировать явления действительности», «строятся на внешних отношениях между понятиями» [Филин 1982: 225].

При наиболее очевидной, тематической, классификации лексики возникает проблема, зачастую неразрешимая, разграничения в рамках отдельных лексических групп собственно профессионального просторечия и профессиональной терминологии (С.Д. Береснев, Л. Брум, Б.Н. Головин, Т.П. Ильяшенко, А.В. Суперанская и др.), в нашем случае – проблема разграничения собственно жаргонной бурлацкой лексики и профессиональной терминологической лексики судоходства. В рамках данной статьи мы не разграничиваем материал, основываясь на его целостной представленности в источниках.

Наибольшее количество собранного материала представляют существительные, которые в своей совокупности объединяются в несколько тематических групп (ТГ). Представим ниже наиболее существенные из них.

Значительную по объему тематическую группу представляют «наименования лиц по роду выполняемых обязанностей». В эту группу можно включить такие слова, как **шишка** ‘передовой бурлак в лямке’, **подшищечный** ‘помощник передового бурлака’, **лоцман (дядя, букатник)** ‘управляющий ходом судна’, **косной** ‘бурлак, чьей обязанностью является ссаривать бичеву (при тяге судна бичевой двое косных всегда идут последними)’, **водолив** ‘старший среди бурлаков, наблюдающий за сохранностью груза и заведующий расходами артели’, **кашевар** ‘один из бурлаков, обычно подросток, чьей обязанностью является приготовление пищи’. В эту же ТГ можно включить и номинацию **бурлацкий работник** ‘судорабочий, нанятый заболевшим бурлаком

для выполнения его обязанностей'. Все бурлаки делились на **коренных**, или **зимних** (так называли бурлаков, нанятых заранее, перед отправкой судна, обычно еще в конце зимы, и сопровождавших его с самого места отправки), и **добавочных** (бурлаки, нанятые на пути вместо заболевших или сбежавших судорабочих).

Слова в этой ТГ позволяют отметить четкое разделение труда в бурлацкой артели (**аравушке**), а также достаточно сложную иерархическую систему в пределах группы.

В отдельную тематическую группу можно выделить «прозвания, или прозвища булаков», что обозначим терминологически как «наименования бурлаков по региональному признаку»: **томойки** 'бурлаки-костромичи', **стародубы** 'бурлаки-владимирцы', **водохлебы** 'бурлаки-нижегородцы', **свиносуды** 'бурлаки, набранные из Елатьмы', **толстоногие** 'бурлаки родом из Пензы', **чехонники** 'бурлаки-саратовцы', **козлятники** 'бурлаки, нанятые в Твери', **кобелятники** 'бурлаки из Ржева'. В бурлаки изредка попадали также отхожие промышленники из Рязани (**макары**) и из Владимирской губернии (**беломуты**). Бурлаки, нанятые из южных губерний, назывались **ягутки**. Происхождение этого наименования Д. Зеленин объяснял следующим образом: «Бурлаки переносили из одних мест в другие... и диалектологические особенности. В старину бурлацкие артели на Волге были едва ли не единственным местом, где непосредственно сталкивались между собою в быту представители двух крупнейших этнографических групп русского народа – северно-великоруссов окальщиков и южно-великоруссов акальщиков. Последние среди волжских бурлаков численно преобладали, и на верхней Волге, например в Рыбинске, бурлаков прежде называли: “ягутки”, т.е. произносящие родительный падеж прилагательных и местоимений по южному: “яго”, а не “ево”» [Зеленин 1947, 3: 397].

Прозвища и наименования бурлаков – наиболее значительная в количественном отношении тематическая группа, однако можно предположить, что она еще далеко не полная. Ср. данные из очерка И.П. Корнилова: «“Много у вас между собою таких прозваний?” – “Да так много, что их не пересчитаешь. У бурла-

ков целые песни сложены из одних приговорок да прозваний!» [Корнилов 1862, 5].

В отдельную тематическую группу выделяются «наименования реалий профессиональной деятельности бурлаков»: **бечева (бичева)** ‘прочная толстая веревка, канат, предназначенный для тяги судна’, **лямка (ляма)** ‘широкий ремень или полоса кожи, которая надевалась на грудь или через плечо бурлака и соединялась с бечевой’, **ушко** ‘петля на конце бечевы, в которое продевали тоньку (хвост)’, **тонька (хвост)** ‘тонкая веревка с железным кольцом на свободном конце, соединенным с бурлацкой лямкой на груди у бурлака’, **бурундук** ‘снасть с блоком на судне, через который пропущена бечева; при помощи бурундука регулируют бечеву’, **чубурок (чапурок, чебурах)** ‘деревянный шар, который, благодаря своей величине, задерживался в “ушке” на конце бечевы’, а также названия различных частей судна и корабельных снастей, например, **конь, кресло** ‘судно’, **кичка** ‘нос судна’, **мурья** ‘помещение под палубой, где в непогоду укрываются бурлаки’, **кошель** ‘нижний край паруса’, **апостольская скатерть** ‘надутый ветром парус’.

Следующая ТГ объединяет слова, называющие различные реалии окружающей среды, актуальные для профессиональной деятельности бурлаков: **бечевник (бичевник)** ‘дорога вдоль берега, специально отведенная для бурлаков, тянущих судно’, **сакма (сахма)** ‘тропа, утоптанная по бечевнику’, **перекат** ‘мелководный участок русла реки; отмель’, **стрежень** ‘часть реки с наибольшей глубиной и самым быстрым течением’ (‘фарватер’ [Корнилов 1862, 8]), **заструга** ‘гребень, край мели’, **ятовь** ‘яма на дне реки’ и т.п. К этой группе можно отнести «наименования ветров» (в зависимости от их интенсивности или направления), как природного явления, имеющего очень важное значение для деятельности бурлаков: **витязной** ‘сильный ветер’, **святой воздух** ‘попутный ветер’, **моряна, приполдень, полуденный** ‘названия южных ветров различной интенсивности’, **горыч, прямой верховой, луговень верховой** ‘наименования северных ветров’.

Отдельную ТГ составляют собственно бурлацкие топонимические наименования: **Разбалуи-Город** ‘Астрахань’ (яркая об-

разность номинации объясняется тем, что в Астрахани, стоящей в устье Волги, путь бурлаков заканчивался), **Рыбна (Рыбная)** ‘Рыбинск’, **Перма** ‘Пермь’.

Показательной в рассмотренном материале оказывается как предметная общность, позволившая нам объединить слова в тематические группы (наименования бурлаков по роду выполняемой деятельности, по региональному признаку; наименования профессиональных реалий, явлений окружающей действительности, актуальных для профессиональной деятельности; профессиональные топонимы), так и собственно лексическое наполнение групп.

Очевидно, что перед нами социолект бурлачества – лексика, употребляемая исследуемой социальной группой и называющая только актуальные для профессиональной сферы понятия, позволяющая даже в таком незначительном объеме дать представление о профессиональной деятельности бурлаков.

Литература

Бурлачество в Астраханской губернии // Вестник императорского русского географического общества. Часть вторая. СПб, 1851. С. 50-53.

Зеленин Д.К. Терминология старого русского бурлачества // А.А. Шахматов. 1864-1920. Сборник статей и материалов / Под ред. С.П. Обнорского. М.-Л., 1947. С. 391-397.

Корнилов И. Волжские бурлаки // Морской сборник. 1862. LX. № 7. С. 3-37.

Вернадский Ив. Исследование о бурлаках // ЖМВД. 1857. XXIII, XXIV.

Бурлаки на Волге, их заработки и значение артели // Морской сборник. 1862. LXIII. № 11. С. 56-64.

Небольсин П. Заметки о волжских бурлаках // ЖМВД. 1852. XXXVII. № 2. С. 187-215.

Оглоблин Н. Ветлужские бурлаки. Из путевых заметок // Русское Судоходство. 1904. № 6. С. 39-60; № 7. С. 48-65.

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

Р.В. Гайдамашко (Санкт-Петербург)

Опыт создания комплексной словарной статьи в рамках исследования «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья»

Русская диалектная лексикография на современном этапе развития располагает тем количеством материалов, источников, исследований и, в конце концов, словарей самых разнообразных типов, что становится возможным исследовать лексику отдельных русских говоров комплексно, с привлечением географических, исторических, этимологических характеристик каждого диалектного слова. Параллельно с исследованием лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья нами составляются словарные статьи, которые, возможно, будут опубликованы как материалы к словарю. Составляемые словарные статьи носят комплексный характер, что обусловлено, с одной стороны, самим исследованием, сочетающим в себе метод полевого сбора материала, метод сплошной выборки материала из картотеки с последующим сравнительно-сопоставительным, историко-этимологическим и лингвогеографическим анализом, а с другой стороны – тем, что мы, вслед за Ф.П. Сороколетовым, видим в диалектном словаре «наиболее рациональный способ описания диалектных языковых фактов» [История... 2001: 530].

Объектом исследования является неисконная лексика русских говоров Верхнего Прикамья. Под русскими говорами Верхнего Прикамья понимаются предельно все диалектные формы русского национального языка, служащие средством общения жителям бассейна верхнего течения р. Кама, от ее истоков до впадения в нее р. Чусовая. Выбор данного региона обусловлен по крайней мере двумя вескими причинами: 1) русские говоры Верхнего Прикамья берут начало своей истории на Русском Севере, откуда с XIV–XV вв. и позже носителями новгородских, вологодских, архангельских, поморских говоров активно совершалась колонизация Предуралья. Кроме того, что эти люди несли в своей речи субстратно-адстратные следы тесного взаимодей-

ствия с различными финно-угорскими народами (в основном, прибалтийско-финскими и пермскими), они зачастую приходили вместе с коми-зырянскими семьями; 2) переселяющиеся в Верхнее Прикамье встречали там автохтонов, которым приходилось покидать территории (как это сделали удмурты и манси) или быть ассимилированными (что произошло с большинством коми-пермяков к XIX в.). Кроме того, изредка в русских говорах Верхнего Прикамья встречаются лексемы финно-волжского происхождения, что может быть связано с периодическими притоками в прошлом русского населения с ростово-суздальских и владимирских земель. По всем перечисленным причинам лексика исследуемых говоров обнаруживает следы взаимодействия с разнообразными финно-угорскими народами.

Источники материала исследования: 1) в подавляющем большинстве случаев – словари, так или иначе отражающие лексический состав русских говоров Верхнего Прикамья (СРНГ, СРГСУ, СРГСУД, СГСол, АкчС, СПП, СПГ, СРГКПО, СГТП); 2) обширные картотеки публикуемых словарей (КАС, КССП); 3) некоторые исследования и монографии, вводящие в научный оборот не освещенные ранее материалы, например, работы А.К. Матвеева, А.С. Кривощёковой-Гантман, Е.Н. Поляковой и др.; 4) собственные полевые записи (МЭ). Для сравнения исследуемой лексики на общерусском фоне привлекаются многочисленные диалектные словари по различным регионам Русского Севера и в целом по территории вторичного заселения. При этимологизации привлекаются данные этимологических словарей и многочисленных исследований в виде монографий, отдельных статей и заметок.

Таким образом, видим, что в пределах одной словарной статьи предполагается подача разнородного материала, который условно можно разделить на три части: 1) описание лексемы, бытующей в русских говорах Верхнего Прикамья: акцентологические и фонематические варианты; грамматические показатели; семантические пометы; основные значения; все бытующие в говорах оттенки значения и новые значения, развившиеся в результате метонимии; переносные оттенки значения, стоящие в метафорической связи с прямым значением; устойчивые и несвобод-

ные сочетания с данной лексемой; иллюстрации употребления лексемы в диалектной речи; указание года первой письменной фиксации в пермских памятниках XVI–XVIII вв.; при описании географического термина указываются топонимы с данным термином в своем составе; при наличии антропонимов, содержащих основу заголовочного слова, они также указываются; 2) анализ описываемой лексемы на общерусском фоне: указание на генетические говоры, послужившие источником лексемы (за исключением тех заимствований, которые вошли в русские говоры в Верхнем Прикамье, – коми-пермяцких, мансийских, удмуртских); указание на говоры территории вторичного заселения (если при анализе требуется продемонстрировать интердиалектность описываемой лексемы); 3) справка об этимологии лексемы: указание всех предполагаемых финно-угорских этимонов; заметка об их исконности или неисконности. Если в справке не дана исчерпывающая этимология, приводится краткий анализ гипотез относительно происхождения лексемы с последующим выводом.

Разберем подробнее некоторые рабочие моменты составления первой части словарной статьи. Принципы подачи и характеристики диалектной лексики продиктованы в основном «Инструкцией Псковского областного словаря» [Ларин 1961] и «Проектом "Словаря русских народных говоров"» [Филин 1961], хотя мы осознаем глобальное различие во взглядах обоих авторов на то, какого типа должен быть диалектный словарь.

Нами принят алфавитный порядок расположения слов, что соотносится со сложившейся в диалектологии лексикографической традицией.

Орфография заголовка словарной статьи – фонетическая. Существование акцентологических вариантов отражено в наличии нескольких ударений над заголовком. Фонематические варианты показываются в одной словарной статье, а словообразовательные и морфологические – в самостоятельных статьях.

После заголовка следует область грамматических помет. Грамматические пометы приводятся, если по форме слова нельзя или трудно определить, к какому разряду относится толкуемая единица, если требуется указание на неполноту парадигмы или на другие лексико-грамматические особенности. Сняты также

указания, касающиеся формообразования этого слова, если оно вполне укладывается в парадигму соответствующего типа склонения литературного языка. Но в необходимых случаях у изменяемых частей речи указываются грамматические формы: 1) имена существительные приводятся в им. п. ед. ч. (если ед. ч. неупотребительно, то в им. п. мн. ч.) с окончанием формы род. п.; 2) имена прилагательные полные в им. п. ед. ч. муж. р. с окончаниями ж. р. и ср. р.; 3) глаголы в инфинитиве с указанием вида и переходности. Неизменяемых частей речи среди исследуемой лексики нами пока не обнаружено, однако мы не исключаем возможность бытования в русских говорах Верхнего Прикамья наречий или междометий финно-угорского происхождения.

К семантическим пометам относятся: 1) те, которые ставятся при словах и сочетаниях, выделяемых говорящими по своей экспрессивности: *бран.* (бранное, для слов и выражений с ярко выраженной эмоцией негодования), *шутл.* (шутливое, о выражении лёгкой, дружеской насмешки), *дет.* (детское, о словах и выражениях, применяемых взрослыми только в разговоре с детьми); 2) *Перен.* – при значениях слов и сочетаний, стоящих в метафорической связи с прямым значением.

Основные значения выделяются арабскими цифрами, а оттенки этих значений – двумя отвесными чертами. Расположение основных значений по номерам должно быть подчинено принципу семантической филиации: от более конкретного – к производному, осложненному, более абстрактному [Ларин 1961: 668]. Переносные значения слова определяются после прямых. Несвободные, терминологические сочетания даются после знака ромба (◊).

Как показывает практика, при определении значений диалектного слова зачастую невозможно только синонимическое толкование или перевод литературным словом, в особенности, это касается значений имен существительных. Географические термины требуют развернутого толкования, а наименования местных растений, грибов, птиц, рыб, равно как и этнографизмов, – толкования в энциклопедическом ключе. В целом мы придерживаемся принципов семантической характеристики диалектного слова, оговоренной в [Филин 1961: 144-149; Ларин 1961: 665-670;

Сороколетов, Кузнецова 1987: 198-218; Кузнецова, Сороколетов 1997].

Давно и неоднократно отмечаемая исследователями полисемия диалектного слова, в особенности неисконного, также осложняет лексикографическую работу. Чаше, чем у остальных, метонимическое расширение наблюдается у лексики тематической группы «Ландшафт». Например, у интердиалектного слова *кули'га* выделяется не менее 15 основных значений. Иногда историческое взаимодействие разных, но близких по звучанию слов приводит к частичной омонимии, а затем к развитию на этой основе новых значений: показателен пример с лексемами *ла'бда* 'крутой отвесный берег реки' (через неустановленное посредство из ненецкого) и *ла'вда* 'топкое место; трясина' (из коми), взаимодействие которых обусловило появление лексемы *лобза'* 'топкое, болотистое место на берегу реки'.

После каждого семантического определения приводятся контексты заглавного слова для пополнения и подтверждения семантических и грамматических указаний.

Все лексико-семантические варианты и иллюстрации их употребления снабжаются пометами, раскрывающими ареал распространения внутри исследуемого региона.

Если подобная информация имеется в СПП, то в словарной статье приводится дата первого письменного употребления лексемы. Диалектная лексика редко попадала в тексты средневековых памятников (по замечанию составителя СПП, диалектизмы заняли 2% словника [Полякова 2009: 214]), однако подобная информация порой становится решающей в пользу заимствования на Русском Севере, а не в Верхнем Прикамье. К тому же данный пункт вполне обоснован при исследовании нами исторической глубины слова.

Топонимические материалы в качестве иллюстрации значения слова приводятся за знаком треугольника (Δ) с указанием объекта наименования и места его употребления. Там же приводятся бытовавшие и бытующие на территории современного Пермского края антропонимы (по материалам СИП и СПФ), образованные от данной основы или самостоятельно заимствованные из диалектов финно-угорских языков. Ономастические дан-

ные приводятся, чтобы, во-первых, продемонстрировать производность основы, а во-вторых, привлечь к исследованию пермские онимы неисконного происхождения, которые до сей поры были объектом пристального внимания лишь в отдельных работах А.С. Кривощёковой-Гантман и Е.Н. Поляковой.

Если среди рассматриваемой лексики обнаружены синонимы, то толкуется только один из них. При остальных компонентах синонимического ряда применяется отсылочное толкование, которое вводится знаком равенства. Сочетанием "См. Слово" словообразовательные варианты связаны со словарной статьей, где толкуется, описывается и этимологизируется производящая лексема.

Ниже приведен пример того, как в разных словарных статьях подаются многочисленные производные (к сожалению, примеры даны без многих иллюстраций, подробной этимологии и анализа на общерусском фоне, что значительно укрупнило бы список источников):

Ара́ва, ж. '= *Ара́вина*'. Арава – яма на лугах, топкое место (Юсьва) [СГТП: 21]. См. *Ара́вина*.

Ара́вина, ж. 'Сырое, топкое место, яма' Там места заболоченные и аравины часто встречаются. Аравина в лесу и в болоте, топкое место, яма зыбкая... Аравина бывает на покосах, на лугах. Там одна осока растёт, будто как яма (Юсьва) [СГТП: 21]; (Вильгорт, Черд.) [МЭ]. См. *Ара́вина*.

Ара́и, мн. 1. 'Низменный сырой луг' Араи около веретии были, всё время была вода. Когда бродили, по этих пор [по грудь] было, когда смочное лето. А когда несмочное, то косили. Хвощ или пихтик косили (Чашкино Сол.); Раньше поля не косили, арай косили, там сыро, кочки, сохнет плохо (Новая Каменка Ил.); Арай – раньше до затопления были луга, на них болотина и кочкарник, косили там (Лябово Доб.); Смолоду всё скотину держала. В войну и арай выручали (Старая Губ.); 2. 'Сырое, болотистое место' Арай – болотистое место. Раньше оно огорожено было, чтоб скот не потонул (Комары Вер.); Луга, на них арай – болотина и кочкарник (Добрянка); Километрах в трёх от нас место возле ручья и воды, называют арай (Буб Сив.); 3. 'Яма, вымытая на полях весенним половодьем' Старая яма, она обвалилась, араями

ещё зовём (Селянка Чус.); На бывшем покосе Жимолоске бежала в большую воду ричка, водой вымывало землю, говорили – арай (Паль Ос.); 4. 'Гальки на берегу у уреза воды' Арай у нас – гальки, которые всё тащит в эту Бодажиху [реку] (Дыбки Ныт.) [СГТП: 21]; 5. 'Сырые ложбины по берегам реки Камы, перемежающиеся суходолами' Они наводняются весенней водой и поростают обыкновенно ольхой, ивами, берёзами (Перм., Доб., Сол., Чёрм.) [СРНГ 1: 266-267]. ΔТоп.: луг **Арай** (Филатово Ил.) [СГТП: 21]. См. **Ара́й**.

Ара́ина, ж. 1. '=Ара́и 1' Внизу, в араинах, на три покоса накосить можно (Пермь); Араина – сырое место, там резучие травы, где бывает ранний покос (Плеханово Кун.); 2. '=Ара́и 2' Есть место болотистое маленько, раньше была вода, так говорят: там араина – кустарник, кочки (Буб Сив.); Вот какая утопель, вот какая араина (Пожва Юс.); 3. '=Ара́и 5' В араинах-то скоси тоже траву (Ныроб Черд.); Пойдёшь в посад – араину не увидишь: надо идти дальше' (Егва Куд.) [СГТП: 21-22]; 4. '=Ара́и 3' Бывают на лугах араины. Среди луга вдруг какая-то такая яма, и там растут деревья, и там вода (Рябинино Черд.) [ССП]; 5. '=Ара́й' (Перм., Сол., Ох.) [СРНГ 1: 266]; 6. 'Омут в реке' Араина омут называется, где вода кружится в тихом месте (Акчим Краснов.) [СГТП: 21-22]. См. **Ара́й**.

Ара́й, м. 1. 'Сырое болотистое место' Арай – его тожно, тут клюква растёт. Она не така бовото, а така: наверху-то мок, и она качацца (Кудымкар); У Иньвы арай – болотистое место (Архангельское Юс.); На болотистом месте кустарник, лес – за Сосуновым – называют арай (Буб Сив.); На арае клюква вкуснее (Большое Сидорово Куд.); Арай, где собирают клюкву (Ласьва Краснок.) [СГТП: 22]; 2. 'Сырой заливной луг' (Сол., Ох., Перм.); 3. 'Невысыхающая часть заливного луга' (Сол., Ох.); 4. 'Заросшее озеро на лугах' (Ох.) [СРНГ 1: 266-267]; 5. 'Топкое место на болоте' Топко на болотине, арай, утонуть можно (Юрл.) [СРГКПО: 50]. ΔТоп.: бывш. д. **Арай** (Вер.), бывш. выс. **Арай** (Перм.), поле **Орай** (Карагай) [СГТП: 22], луга Большой **Арай**, Средний **Арай**, Малый **Арай** на р. **Арай** (Черепанова, Сусай Черд.), луг **Арай** (Покча Черд.) [МЭ]. Из п.-фин., ср. фин., кар. *aro* 'мелководный залив, заросший хвощами' [ЭСРЯ 1: 82].

Ара́йный, ая, ое. ♂ *Ара́йное место* 'Сырое место в лесу' (Доб., Перм., Ус., Чёрм.) [СРНГ 1:267]. См. *Ара́й*.

Ара́льный, ая, ое. '=Ара́йный' (Доб.) [СРНГ 1: 267]. См. *Ара́йный*.

Что касается подачи лингвогеографической и собственно этимологической информации соответственно во второй и третьей частях словарной статьи, в этом отношении мы ориентируемся на единственные в своем роде лексикографические шедевры М.Р. Фасмера (ЭСРЯ) и А.Е. Аникина (ЭСРДС, РЭС). Словари последнего автора являются, кроме преемственных по отношению к ЭСРЯ, прекрасным примером этимологических словарей русского языка с включением диалектизмов (объект ЭСРДС – исключительно диалектная лексика) и внимательной проработкой материалов письменных памятников. Высокое качество лингвогеографической и этимологической характеристик русского диалектного слова продемонстрировано также в МСФУСЗ, жаль только, что подобные капитальные проекты (как и РЭС) обречены выпускаться чересчур долго.

Литература

История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: Наука, 2001. 610 с.

Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Проблемы лексикографии: Сб. ст. / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 28-40.

Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря (1961) // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 660-674.

Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 260 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л.: Наука, 1961. 199 с.

АкчС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1-5-. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003.

КАС – Картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря), хранится на кафедре общего и славянского Пермского университета.

КССП – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края, хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1. А–И. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 142 с.

МЭ – Материалы диалектологических экспедиций автора.

РЭС – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1-3-. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-2009-.

СГСол – *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь: Изд-во Перм. пед. ин-та, 1973. 706 с.

СГТП – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 420 с.

СИП – *Полякова Е.Н.* Словарь имён жителей Пермского края XVII–XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Вып. 1-2. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 464 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Под ред. И.А. Подюкова. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. 1-7. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, Изд-во Урал. ун-та, 1969-1989.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-43-. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2010-.

ЭСРДС – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина. Перевод с нем. и предисловие О.Н. Трубачёва. Т. I-IV. М.: Прогресс, 1964-1973.

С.А. Ганичева (Вологда)

Структурно-семантические особенности зоофонов в лингвогеографическом аспекте

Диалектные зоофоны – глаголы, обозначающие звуки животных – уже становились объектом картографирования в славянской лингвогеографии. Тем не менее, посвященных им карт немного. В Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) лексические и фонетические различия соответствующих глаголов отражены на картах «Глагол *ржать* (о лошади) и его соответствия», «Глагол *мычать* (о корове) и синонимичные ему глаголы», «Глагол *блеять* (об овце) и его соответствия», «Глагол *лаять* (о собаке) и его соответствия».

Программа Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) направлена на углубленное изучение тематических групп диалектной лексики. Она предусматривает составление более 20 карт, посвященных зоофонам, две из которых уже включены в Пробный выпуск Лексического атласа (№ 210 «Издавать

громкие, характерные для дикого кабана звуки» и № 211 «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», составитель Т.И. Вендина). Таким образом, актуальным направлением исследования представляется обращение к специфике диалектных зоофонов в контексте составления лингвогеографических карт. В соответствии с этим, мы рассмотрим в статье некоторые структурно-семантические особенности такой подгруппы зоофонов как орнитофоны (глаголы, обозначающие звуки птиц). Материалом для наблюдений нам послужили глаголы из картотеки ЛАРНГ (вопросы № 281 «Петь (о жаворонке)», № 285 «Кричать (о журавле)», № 292 «Издавать звуки, характерные для синицы», № 311 «Издавать звуки, характерные для сороки»; по материалам трех последних вопросов нами были подготовлены проекты карт).

Орнитофоны являются средством репрезентации в языке орнитозвукосферы, то есть совокупности звуковых сигналов, издаваемых птицами. Орнитозвукосфера входит в зоозвукосферу – совокупность звуков, издаваемых животными, которая в свою очередь входит в биозвукосферу – совокупность естественных звуковых сигналов и природных шумов. Биозвукосфера является частью звукосферы как всей совокупности звуков, окружающих человека [Курашкина 2007: 7-8]. Звукосфера репрезентируется в языке с помощью разных языковых средств: звукоподражательных слов, существительных со звукоизобразительными корнями, описательных конструкций, лексико-фонетических мнемоник и глаголов звучания [Курашкина 2007: 18]. Среди непроемных глаголов звучания можно выделить четыре группы: антропофоны (глаголы, называющие издаваемые человеком звуки), глаголы озвученного движения или механической фонации, глаголы природной фонации и зоофоны. Последние делятся на глаголы, обозначающие звуки животных, глаголы-орнитофоны и глаголы, обозначающие звуки насекомых и других живых существ [Ивлиева 2008: 35-39].

Особенности орнитофонов во многом обусловлены отношением этих глаголов к группе зоофонов. Их состав характеризуется следующими дифференциальными семами: 'издавать крик' (*те'нькать* – о синицах), 'издавать громкие низкие звуки' (*рыча'ть* – о громких угрожающих звуках), 'издавать громкие отры-

вистые низкие звуки' (*ла'ять*), 'издавать громкие протяжные звуки' (*выть* – о продолжительном протяжном крике, стоне), 'издавать негромкие высокие звуки' (*ворча'ть, урча'ть* – о негромких низких звуках, выражающих недовольство, угрозу) [Ивлиева 2008: 38]. В наших материалах встретились глаголы с дифференциальной семой 'издавать крик' (*те'нькать, зе'нькать, те'лькать, цви'ркать* и др. – о синице; *курлы'кать, ку'ркать, глу'кать* и др. – о журавле; *стрекота'ть, цокота'ть, щеко-та'ть, соро'чить* и др. – о сороке), 'издавать громкие звуки' (возможно, *крича'ть* – о журавле, сороке, синице; *треща'ть* – о сороке и др.), 'издавать негромкие звуки' (*пища'ть, звене'ть* и др. – о синице). При отборе материала для картографирования, как правило, принимаются во внимание глаголы, не имеющие дополнительных сем типа 'громкость', 'негромкость' и др. В том случае, если появление дополнительной семы в глаголе можно объяснить постоянными особенностями крика той или иной птицы, а сам глагол широко распространен, видимо, его целесообразно картографировать (например, *треща'ть* – о сороке).

Как отмечает И.В. Ивлиева [Ивлиева 2008: 49], для зоофонов в большей степени, чем для других групп глаголов звучания, свойственна связь с характерными звуками того или иного живого существа (*чуфы'кать* – о тетереве; *стрекота'ть* – о сороках, кузнечиках). Эта связь всегда в том или ином виде отражается в их толковании. Глаголов с широкой денотативной отнесенностью (*кричать, орать*) среди зоофонов немного. Однако, говоря об орнитофонах, необходимо отметить, что глаголы, обозначающие звуки певчих птиц, обычно невидоспецифичны. Голоса этих птиц передаются при помощи слов общего характера, например, «звенеть, петь, свистеть, щебетать можно сказать о любой мелкой птице» [Курашкина 2009: 807]. При обозначении голосов неворобьинообразных птиц, не имеющих песни как таковой, количество видоспецифичных глаголов увеличивается: *гогота'ть, шише'ть* (о гусе), *воркова'ть* (о горлице) [Курашкина 2009: 807-808]. Эта особенность орнитофонов заметна при сопоставлении глаголов, обозначающих звуки сороки и журавля с глаголами, обозначающими звуки синицы и жаворонка. Среди первых практически нет слов с широким денотативным значением кроме *крича'ть*. Од-

нако в отношении синицы часто фиксируются глаголы общего характера: *пища́ть*, *звене́ть*, *свисте́ть*, *свиста́ть*, а в картолке вопроса «Петь (о жаворонке)» преобладает соответствующий глагол очень широкой семантики *петь*. Невидоспецифичные глаголы желательно отводить от картографирования. Однако если среди глаголов, относящихся к певчим птицам, значительно преобладают глаголы широкой семантики, употребление которых может быть вызвано постоянной особенностью фонации (например, мелодичностью, как в случае с жаворонком), их можно картографировать.

Как и прочие глаголы звучания, зоофоны способны употребляться в метафорическом значении. Например, *ревет* можно сказать не только о звере, но и о человеке и о явлении природы [Ивлиева 2008: 50]. В нашем материале встречались глаголы в переносном значении, например, *пла́кать* (о звуках журавля). Подобные слова отводились от картографирования. В контекстах на карточках нередко зафиксирован типичный для зоофонов перенос по модели «звук животного – речь (смех) человека»: *Сидят бабы-то, да стрекочат, как сороки*.

В говорах синонимичные глаголы-орнитофоны часто имеют сходное, но не одинаковое звучание. Так, о синице могут сказать: *те́нькает*, *те́лькает*, *зе́нькает*, *зи́нькает*, *цви́нькает*, *цви́ркает*, *цвири́нькает*, *дзге́нькает*, *чири́кает*, *чи́вкает*, *чили́кает* и т.д. Подобное разнообразие обусловлено принадлежностью большинства орнитофонов к звукоизобразительным глаголам, для которых «характерна вариативность гласных и согласных корня, акцентных характеристик» [Азарх 1974: 113]. Экстралингвистическими причинами такого варьирования являются слабые имитаторские способности человека, субъективизм восприятия голосов птиц, диалектное варьирование голосов целого вида птиц, индивидуальное варьирование вокализаций отдельной особи [Курашкина 2009: 808]. Фонематический состав корня, видимо, может зависеть от типа вокализации птицы, которому подражает человек: короткий сигнал или длинная, сложная песня [Курашкина 2009: 806]. Также варьирование звукоизобразительных глаголов может быть следствием регулярными фоне-

тических чередований в говорах или отголоском прежних фонетических процессов [Азарх 1974: 106].

Различия в глаголах, обусловленные регулярной диалектной фонетикой, нерелевантны для лексической карты. Поэтому мы объединяли при картографировании орнитофоны *цокота'ть* и *сокота'ть*, *стрекота'ть* и *стрикота'ть*, *щекота'ть* и *шокота'ть* (о сороке), *те'нькать* и *ти'нькать*, *чили'кать* и *цыцыли'кать* (о синице). Возможно, регулярные диалектные соответствия существуют также между словами *щекота'ть*, *чекота'ть* и *цокота'ть* (о сороке). Но эти орнитофоны есть и в литературном языке, в котором имеют разные значения, поэтому, видимо, их целесообразно разделять при картографировании.

Звук -з- в *пе'ньгать* и *те'ньгать* (о синице), вероятно, является отголоском древней прогрессивной ассимиляции -к- по звонкости после сонорного, подкреплявшейся влиянием заимствований из прибалтийско-финских языков, о которой писала Ю.С. Азарх [Азарх 1974: 107-111] (ср.: *те'нькать* и *пи'нькать*). Однако глаголы *пи'ньгать* и *те'ньгать* зафиксированы только три раза, поэтому на карте мену -к- // -з- отражать нецелесообразно. Глаголы-орнитофоны отражают и другие чередования, не всегда столь древние по происхождению (список возможных чередований см. [Азарх 1974: 107-125]). В нашем материале это -л'- // -в'-: *кли'кать* – *кви'кать* (о журавле), *чили'кать* – *чиви'кать* (о синице); у // ы: *кур'кать* – *кы'ркать*, *курлы'кать* – *кырлы'кать* (о журавле); ы // а: *кы'ркать* – *ка'ркать* (о журавле); глухой согласный – звонкий согласный: *курлы'кать* – *гурлы'кать* (о журавле), *те'нькать* – *ди'нькать*, *се'нькать* – *зе'нькать* (о синице); твердый согласный – мягкий согласный: *курлы'кать* – *курли'кать* (о журавле), *тре'нькать* – *тре'нкать*, *те'нькать* – *те'нкать* (о синице); н' (н) // л' (л): *курлы'кать* – *курны'кать* (о журавле), *те'нькать* – *ти'лькать* (о синице). Вероятно, можно добавить к этим чередованиям р' // л': *чири'кать* – *чили'кать* (о синице). В ряде орнитофонов как дополнительное средство выразительности используется редупликация: *чичи'кать*, *чача'кать* (о сороке), *тете'кать*, *те-те'нькать* (о синице). Той же цели служат наращения: н' (*чили'нькать*, ср.: *чили'кать*), р' (*цвири'нькать*, ср.: *цви'нькать*).

В целом, широкое фонематическое варьирование орнитофонов создает трудности при их отображении на карте. Многие глаголы по звучанию представляют собой переходные случаи, а в целом образуют что-то вроде континуума, который необходимо каким-либо образом расчленить, чтобы картографировать. Вероятно, целесообразно максимально отражать фонематические особенности, объединяя только глаголы, у которых различия в звучании связаны с регулярной диалектной фонетикой, или глаголы с фонематическими различиями, один из которых встретился незначительное количество раз.

Обратимся к словообразовательной структуре орнитофонов. Ю.С. Азарх [Азарх 1974: 125-130] выделила пять словообразовательных моделей глаголов, обозначающих крики животных. Наиболее древними по происхождению являются глаголы на *-ать* (*бле'ять, ла'ять*). Продуктивную в современном языке модель составляют глаголы на *-ка-ть*, образующиеся от звукоподражаний (*те'нькать* – о синице, *глу'кать* – о журавле). Глаголы на *-ота-ть / -ета-ть*, как правило, соотносятся с существительными (*стрекота'ть* – *стрекот*). Они обозначают, в основном, громкие прерывистые звуки. Глаголы на *-к(х)т-ать*, видимо, образовались вследствие контаминации моделей на *-ка-ть* и *-ота-ть*. Глаголы на *-айда-ть / -анда-ть* (*ня'вандать, ра'вандать* – о кошке, *ку'рандатель* – о лягушке) являются заимствованиями из финского и карельского языков.

В материалах наших вопросов, посвященных журавлю и синице, встретились преимущественно глаголы на *-к-а-ть*: *те'нькать* (о синице), *глу'кать* (о журавле) (за исключением глаголов типа *звене'ть, крича'ть* и др., отведенных от картографирования). Бо'льшим разнообразием отличаются глаголы со значением 'кричать (о сороке)'. Среди них много слов на *-к-от-а-ть / -к-т-а-ть*, таких как *стрекота'ть, цокота'ть, щекота'ть, щекта'ть, чекота'ть*. Очень распространен непроезводный глагол *треща'ть* с суффиксом *-а-*. Кроме того, встретился отсубстантивный глагол *соро'чить* с суффиксом *-и-*, образующий островной ареал на территории Ивановской, Владимирской и Тульской областей.

Видимо, целесообразно отражать на карте словообразовательные различия глаголов в том случае, если разные словообразовательные модели встречаются в словах с одинаковыми корнями. Ни в одном из наших вопросов этого не было, поэтому карты составлены чисто лексические, подобно картам в ДАРЯ и Пробном выпуске ЛАРНГ. В одном случае отражен результат морфологического процесса: изменение основы инфинитива в глаголе *курлы'кать* в *курлыч-* (*курлы'чить*) под влиянием форм настоящего времени (*курлы'чет*). Глагол *курлы'чить* образует ареал в центральной части европейской территории России.

Подведем итоги. Особенности орнитофонов во многом определяются их принадлежностью к звукоизобразительной лексике, в частности, к глаголам-зоофонам. Для орнитофонов характерен определенный набор дифференциальных сем, преобладание видоспецифичных глаголов, возможность метафорического употребления. Синонимичные орнитофоны в говорах часто имеют сходное, но не одинаковое звучание, что определяется рядом лингвистических и экстралингвистических причин. Орнитофоны образуются по моделям, общим для всех глаголов, обозначающих крики животных. Все структурно-семантические особенности орнитофонов определяют специфику картографирования этой тематической группы диалектной лексики.

Литература

Азарх Ю.С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 104-139.

Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части России): карты. Вып. 3: Лексика. Минск, 1997.

Ивлиева И.В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря). М., 2008.

Курашкина Н.А. Звукообозначения как репрезентация звукофемы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.

Курашкина Н.А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 806-808.

Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988.

Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 2. Животноводство / Под ред. Я. Басары и др. Warszawa, 2000.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. СПб., 2003.

Т.Д. Демидова (Курск)

Преломление общенародного языка в индивидуальном лексиконе курского писателя-миниатюриста В.П. Деткова

В конце XX – начале XXI вв. лексикография получила новый вектор направления исследования, цель которого – словарное описание лексических особенностей индивидуального стиля художника слова. Не остались в стороне и курские ученые, которые в рамках научно-исследовательской лаборатории «Курское слово» работают над составлением словарей писателей и поэтов родного края. На сегодняшний день подготовлены словники художественного языка Е.И. Носова, К.Д. Воробьева и А.П. Гайдара. В поле зрения нашего исследования оказались тексты 173 миниатюр курского писателя Владимира Павловича Деткова (23.06.1937 – 04.09.2009) [Детков 1992]. Это один из тех немногих писателей, который успешно работал как с традиционной прозой – рассказами, повестями, так и с малой – миниатюрами, очерками, новеллой. В каком-то смысле, это признание мастерства автора, его неповторимость. По мнению Е.И. Носова, миниатюры В. Деткова состоят из одухотворенных раздумий и откровений. Их поэтическая ткань и плоть сознательно уплотнены кропотливой работой над словом, над мыслью, над трепетной сутью самой поэзии [Носов 1984: 4].